

Глава 1

Несмотря на свое название, Пондер¹, штат Техас, с населением одна тысяча сто один человек, не лучшее место для размышлений. За исключением четырех месяцев в году, здесь слишком, мать его, жарко, чтобы думать.

Но это *хорошее* место для того, чтобы затеряться. Как сделала моя мама тридцать два года назад. И тот факт, что она успешно скрывала это от всех, кто ее любил, делает ее чертовски хорошей лгуньей. Не знаю, что это говорит обо мне.

В детстве бабушка предсказывала мне будущее, чтобы удержать на месте. Я очень живо помню тот августовский день, когда красный столбик термометра на заднем крыльце дополз до отметки сорок. Пот щекотал меня под коленками, тонкий хлопковый сарафан прилипал к спине. Мои ноги болтались туда-сюда под кухонным столом, не доставая до пола. Бабушка лушила фасоль в размеренном, успокаивающем ритме. Я смотрела на высокий стеклянный графин с ледяным чаем, в котором плавали листики мяты и четвертинки лимона, и жалела, что не могу в него нырнуть. Бабушка обещала, что гроза из Оклахомы собьет жару после обеда. Вентилятор сдувал со стола карты, а я хихикала и прихлопывала их на место.

¹ *Ponder* (англ.) — обдумывать, размышлять. (Примеч. пер.)

Те предсказания давно позабылись, но я до сих пор помню надрывную радость моей мамы, которая играла концерт Баха, послуживший фоном для нашего разговора.

Два года спустя, худший день моей жизни. Я помню в основном холод. Мы с бабушкой стояли в затемненной приемной похоронной конторы, и кондиционер над окном гонял по моим рукам мурашки. Лучи сентябрьского солнца пытались пробиться сквозь шторы. Снаружи было около тридцати градусов жары, но я мечтала о шубе. Мне хотелось лечь и больше никогда не вставать. Бабушка жала мне руку, словно прочитав мои мысли. Мерле Хаггард просигналил нам из своего пикапа и скрылся. Я могла слышать, как в соседней комнате плачет мама.

Вот такой я и помню маму — присутствующей, но отсутствующей.

Я не такая. Когда я рядом, люди обычно в курсе.

Мне говорили, что у меня странное имя для девушки, что я любопытная, что я слишком хрупкая, чтобы носить пистолет. Первые два утверждения — правда.

Мне говорили, что странно любить одновременно Вивальди и Джонни Кэша, что я слишком белая для Техаса, слишком стройная для любительницы фаст-фуда, что мои волосы слишком длинные и прямые, что выгляжу я как балерина из Нью-Йорка, а не как бывшая чемпионка ковбойских чемпионатов. (В Техасе *Нью-Йорк* — всегда ругательство.)

Мне говорили, что моей сестре Сэди и мне не стоило бить Джимми Уокера в пятом классе, потому что он до сих пор плачется об этом психологу.

Мне говорили, что детство в Пондере должно было быть идеальным, с белым штaketником и всякими такими делами. Я отвечала, что лучше знакома с колючей проволокой и могу подтвердить это шрамами на животе.

Я очень рано узнала, что в мире все не такое, каким кажется. Милый мясник из «Пиггли Виггли», который оставлял кости для наших собак, избивал свою жену. Младшая сестра королевы школьного выпускного на самом деле была ее дочерью, которую та родила в седьмом классе. Вот какова жизнь.

В городках вроде Пондера все знают твои секреты. По крайней мере, так я думала раньше. Я никогда не считала свою маму, легендарную пианистку Первой баптистской церкви Пондера, женщиной, которой есть что скрывать. Я никогда не думала, что, вскрыв письмо от незнакомки, я потяну за нить, которая распустит целый гобелен. Что однажды в поисках правды я буду перетряхивать все воспоминания до единого.

* * *

Письмо пришло пять дней назад, и я перечитала его сорок два раза. Оно было розовым и пахло духами незнакомой мне женщины. Его доставили в среду, прямо в папин кабинет, вместе с приглашением от «Докторов Без Границ» и брошюрой новой выставки в музее Амона Картера.

Папин секретарь, Мелва, бывшая учительница и вдова лет, пожалуй, семидесяти, выбрала это письмо из пачки как нечто такое, что мне стоит прочитать. Личное, сказала она. Не отпечатано на компьютере. Открытка с соболезнованиями, наверное, потому что это один из тех немногих случаев, когда люди до сих пор считают нужным писать от руки.

Когда я открыла конверт и пробежала глазами строки, выведенные аккуратным женским почерком, подо мной качнулась земля. Дрожь зародилась внизу, у пальцев ног, и поднялась до самого сердца, хоть я и не поняла, почему письмо произвело на меня такой мгновенный эффект.

Вполне возможно, что женщина, написавшая его, была аферисткой. Или просто ошиблась с адресатом. Написала другой Томми МакКлауд или перепутала буквы фамилии.

После каждого из сорока двух раз, что я перечитывала письмо, мне хотелось прыгнуть в свой пикап и рвануть домой к маме, пусть даже мамы там не было, а дом остался пустой оболочкой, где уцелевшую мебель накрыли выцветшими простынями в цветочек, будто создав маленькую лужайку под крышей.

Но домом были еще и бесконечные мили земли, мерцающие от жары, и теплые воспоминания, звенящие в воздухе вместе с цикадами. Дом притягивал меня как магнит. Мое тело могло быть в сотнях миль оттуда, но душа оставалась там, вцепившись в старый дуб у забетонированного пруда, где я училась плавать по-собачьи.

Говорят, что плечи Линдона Джонсона¹ расправлялись, а сам он успокаивался, как только видел землю своего ранчо под крыльями «борта номер один». Моя бабушка называла его эгоистичным психом, но его поразительная связь с родным клочком земли для меня означала, что с ним все нормально. Я пыталась уехать навсегда, пробить себе новый путь, но счастливее всего и безопаснее всего чувствовала себя на Ранчо Элизабет, где родился мой прапрадедушка и где выросла я сама.

Не особо вдумчивые люди сказали бы, что я так и не повзрослела. Такие называют меня беглянкой.

Но если бы кто-то спросил, я сказала бы, что временно сбилась с пути — с тех пор как четырнадцать лет назад более трехсот килограммов говядины наступили мне на запястье на арене родео в Лаббоке, штат Техас, и сшибли меня с пьедестала седла в обычную смертную жизнь. Черному Дьяволу понадобилось всего две секунды на то, что-

¹ 36-й президент США. (Примеч. пер.)

бы раздробить двенадцать костей в моей кисти и запястье, а вместе с ними и туманные мечты моей мамы о том, что можно оторвать меня от родео и превратить в концертирующую пианистку. Мои пальцы так и не вернулись в норму.

Прощай, степень в престижном институте музыки Кертиса. Прощайте также, университетские соревнования по родео, потому что даже после года физиотерапии я не могла раскрутить лассо. И здравствуй, тот самый страх, что появляется после травмы у кэтчеров, не давая им правильно бросить мяч, сколько бы тысяч раз это ни получалось у них раньше.

А что я знала, кроме Баха и родео? Когда зажили сломанные кости, я уехала из дома, злая и обиженная, не знающая, чьи мечты мне теперь придется воплощать. Провела первый год в Европе, моталась с рюкзаком по хостелам — классика жанра. Четыре года в Техасском университете принесли мне диплом по детской психологии, еще три года я работала над докторской диссертацией в Рисе. Пять лет в Вайоминге, на Ранчо Хэло — некоммерческой организации, где использовали лошадей в попытках выманить обратно в жизнь больных и эмоционально неуравновешенных детей. Туда меня загнали интернатура и неотразимость докторской степени. Примерно в тот же период я ощутила, как гаснет неотразимость и возвращается моя любовь к лошадям.

А две недели назад умер папа, и я вернулась домой, в Пондер. Насовсем. Я не говорила этого вслух, но знала, что больше не уеду отсюда.

Стоит мне на миг прикрыть глаза, и я вижу каждое слово на розовой надушенной бумаге, паутину почерка, от которой все полетело кувырком.

Дорогая Томми, — начиналось письмо. Ты когда-нибудь задумывалась о том, кто ты?

Да все время, отвечала я про себя. Всегда. Но не так, как вы думаете.